

Прощание с юридическими журналами

Фред Роделл¹

Двадцать пять лет назад профессор Роделл написал свою «последнюю статью». Она вошла в серию публикаций о значении юридической периодики, напечатанных в первом выпуске 23-го тома данного журнала. Чтобы отпраздновать двадцатипятилетний юбилей этой «последней» статьи, которая, между прочим, приобрела некоторую популярность или, возможно, дурную славу, редакторы попросили профессора Роделла поделиться своими нынешними впечатлениями о юридических журналах. Ниже представлена первая статья профессора Роделла вместе с его недавним «дополнением» к ней. Это сделано не только из-за желания юмористически разнообразить публикуемый здесь привычный материал, но и в силу изложенной в них острой критики содержания и стиля юридических журналов, юридического письма, а также научных трудов в целом.

Разумеется, никого не интересует, что это, возможно, моя последняя публикация в юридическом журнале. Собственно говоря, я вообще не хотел больше писать никаких статей. Это было похоже на решение, которое принимают по случаю Нового года: «В Новом году я решил...». Однако просьба написать что-нибудь о юридической периодике показалась мне отличной возможностью сделать мое будущее отсутствие в списке «Передовые статьи, ведущие авторы» более заметным по сравнению с тем, если бы я просто сидел в углу, неодобрительно поговаривая «фу». Я решил отказаться от своего решения и не ждать, пока подобный случай выпадет вновь. Таким образом, последующее изложение есть объяснение, почему я более не намерен вносить вклад в погибающую с точки зрения содержания и в то же время стремительно увеличивающуюся в количестве литературу по праву.

Почти вся она обладает двумя недостатками. Один из них — стиль, другой — содержание. Думаю, больше к этому нечего добавить. И, несмотря на то, что именно в юридических журналах сохраняются от забвения наиболее ценные работы по праву (и я ни в коем случае не исключаю из них судебные решения), как раз в юридических журналах содержание в один пенс скрывается под фунтом так называемого «стиля». Среднестатистический автор журнальной статьи обладает особенной способностью говорить по существу ничего с видом чрезвычайной важности.

---

¹ © Ф. Роделл, профессор Йельского университета (США), 1936 (1962).

© Е.Ю. Тихонравов (перевод с англ.); перевод выполнен по изданию: Rodell F. Goodbye to Law Reviews // Virginia law review. 1962. Vol. 42. P. 279–290.

Раньше, когда я читал юридические журналы, мне это постоянно напоминало слона, пытающегося прихлопнуть муху.

Такой допотопный или ироикомиический стиль, в котором написано большинство материала периодических изданий, подвергался критике и ранее. Она не достигла никакого результата, так же, как и эта критика не будет успешной. Помните, что я излагаю свои собственные претензии в отношении юридической литературы лишь потому, что меня об этом попросили.

При рассмотрении вопроса стиля публикаций оказывается, что основное правило журнальных статей и их редактуры заключается в следующем. Ничего не может быть сформулировано в принципиальном виде или сказано в смешном тоне. Я полагаю, это делается в интересах того, что называется достоинством. Не имеет значения, что большинство людей — и даже юристы относятся к этой категории — читают либо для того, чтобы сформировать убеждение, либо для того, чтобы развлечься. Не имеет значения, что даже в относительно редких случаях, когда люди читают с целью почерпнуть определенные сведения, они предпочитают обнаружить щепотку перца или соли наряду с интересующей их информацией. Но они не получат никакой приправы, если она отсутствует в юридических журналах. Последние, скорее, будут почитаться и игнорироваться.

Предположим, автор журнальной статьи желает подвергнуть критике судебное решение. Скажет ли он, что «судья Привереда в тягучем и бессодержательном решении сумел так запутать свои рассуждения и исказить факты дела, что пришел к результату, который является не только ретроградным, но и смехотворным»? Возможно, он так подумает, но не напишет. Более того, он даже не напишет, что «это было совершенно бестолковым решением». Вот что он скажет в действительности: «Как кажется, противоположному решению возможно найти лучшую аргументацию». «Как кажется» — родоначальник мягких фраз, до сих пор уважаемых авторами журнальных статей во глупое имя достоинства.

Одно из стилевых ухищрений, которое неизбежно умаляет принципиальность и ясность содержания публикаций, есть табу на использование местоимений первого лица. «Я» или «мне» рассматривается как шокирующая форма обнажения на письме. Чтобы скрыть наготу, практически обязательно используется двусмысленный страдательный залог. Я не знаю, предполагают ли тем самым авторы на самом деле достичь анонимности, чтобы нельзя было узнать, кто же в действительности излагает мнение. Я лишь знаю, что такие обороты часто ведут к типу предложения, которое выглядит переведенным с немецкого языка лицом, обладающим скудными познаниями английского.

Длинные предложения, неуклюжие конструкции и туманные фразы, которые выглядят как извинение за дерзость высказать мнение, являются частью цены, которую юридические журналы платят за свое драгоценное достоинство. Однако многословие не способствует хорошему письму.

Более того, щепотка юмора рассматривается такой же плохой манерой, как и выражение явного неодобрения. Я не знаю ни одну сферу познания,

настолько чувствительную к пародии, сатире или нечастым колкостям, как помпезность юридической полемики. Возможно, именно поэтому в юридической литературе нет юмористов и остроловов, а редакторы убирают каждую шутку, надо которой можно хорошо посмеяться. Право — это шагающий по улице тучный человек в цилиндре. И, разумеется, юридические журналы далеки от того, чтобы бросаться снежками или вытворять что-нибудь этакое.

Редко, очень редко, частица юмора проникает в печать. Но это тот юмор, который в лучшем случае приводит к кривой улыбке, нежели к хохоту. И большая часть авторов, пытающихся ее вызвать, использует те старые банальные шутки, которые порождают неловкий натянутый смех, когда преподаватели рассказывают их в аудитории. Лучший же способ пробудить смех посредством юридического журнала заключается в следующем. Надо пропустить пару стаканчиков, а потом читать любую публикацию громко вслух. Это может быть очень забавно.

Еще есть трудное дело сносок, эти выставляемые на показ «Фи-бета-каппа»² ключи к юридическому письму и главный объект неприязни каждого, кто хотя бы раз читал журнал права по какой-нибудь другой причине, нежели лени самостоятельно собирать требуемые ему решения судов. Насколько я понимаю, есть два особо выделяющихся типа сносок. Это пояснительные (если ты не понял, что я написал, то это, возможно, тебе поможет) и доказательные (если ты из деревни, то обратись ко всем этим источникам).

Пояснительные сноски выступают для автора предлогом быть неясным и туманным в основном содержании своей статьи, а затем сформулировать внизу страницы ту же вещь так, как это следовало бы сделать сразу. Но избавиться от привычки ходить вокруг да около не так легко, поэтому читателю подчас приходится вновь обращаться к основному тексту в попытке понять смысл сноски. Правда, в мелком шрифте допускается капля непринужденности. Отсюда фраза «предполагается» в основном содержании публикации может иметь ссылку, по существу означающую: «Это есть собственное допущение автора».

Доказательные сноски чаще всего являются лишь долгим списком судебных решений, наспех подготовленным для автора каким-нибудь мальчиком на побегушках. Эти огромные скопления мелкого шрифта, так желанные для студента, который, переворачивая страницу, обнаруживает только две-три строки текста над ними, придает публикации чрезвычайно научный вид. Но они также демонстрируют недоверчивую черту, присущую юридическому мышлению. Идея состоит в том, что человек, формулирующий непосредственные суждения, не заслуживает доверия, если только он не возьмет своих читателей под руку и не подведет их к точным ссылкам на источники. Каждый автор юридической публикации считается лжецом до тех пор, пока он не докажет обратное огромным числом ссылок.

---

² Фи-бета-каппа — основанное в 1776 г. общество студентов и выпускников университетов, старейшее братство в США — прим. пер.

В любом случае слабость к ссылкам влечет за собой лишь небрежное мышление, неуклюжее письмо и испорченное зрение. Каждая статья, которую надо пояснять или доказывать посредством ее загромождения маленькими цифрами сносок, пока она не будет напоминать кроссворд, не заслуживает того, чтобы браться за ее написание. И если автор в действительности не нуждается в сносках, но добавляет их либо потому, что они смотрятся красиво, либо потому, что так надлежит поступать, то он должен быть судим за преднамеренное убийство зрения и терпения своих читателей.

Исключения из традиции безотрадного достоинства и псевдонаучности в юридических журналах так же редки, как и прекрасны. Как-то раз Томасу Риду Паувеллу³ сошло с рук воображаемое судебное решение, остро критикующее постановление британского суда. Другой раз Турман Арнольд⁴ забыл поставить сноски, словно сказав, что если люди не доверяют или не понимают его, то это их забота, а не его. Но даже такие несерьезные нарушения этикета терпят с осмотрительностью и нечасто, а также с подозрением воспринимаются лицемерной братией автора.

В основном смиренная рубашка стиля юридических журналов уничтожила то, что могло бы быть яркой литературой. Она искалечила даже те публикации, в которых действительно есть нечто стоящее. В последнюю очередь я стал бы утверждать, что статья по праву может быть выполнена так, чтобы читаться подобно пикантному эротическому роману или детективному рассказу, но я не понимаю, почему она должна напоминать помесь проповеди девятнадцатого века и монографии по высшей математике. Тот, кто готовит публикацию для юридического журнала, должен уметь привлечь сколько-нибудь бóльшую аудиторию, чем несколько своих коллег, которые бегло просматривают ее в порядке любезности, и студентов, что должны корпеть над этой статьей по его заданию.

Разумеется, общепринятый целлофан, в который завертывается основная часть юридического письма, не полностью оторвана от самого продукта. Я целиком осознаю, что содержание способствует детерминации стиля. Я также понимаю, что лучшее средство всучить товары ненадлежащего качества — это завернуть их в презентабельную упаковку. И, несмотря на то, что юридические журналы и печатающиеся там авторы заслуживают очереди из бросков спелых помидоров, именно хлам, скрытый под этим стилем, содержание юридического письма обращает литературу по праву в никчемность и срам.

Гарольд Ласки⁵ любит повторять, что в любой революции первыми уничтожают юристов. Может показаться, будто я перескакиваю с одной мысли на другую, но это представляется мне чрезвычайно важным. Причина, по которой юристы оказываются первыми в очереди на виселицу или расстрел, заключается в следующем. В то время, как право мыслится в

---

³ Т. Р. Паувелл — американский юрист, профессор Колумбийского и Гарвардского университетов — прим. пер.

⁴ Т. Арнольд — американский юрист, судья, профессор Йельского университета — прим. пер.

⁵ Г. Ласки — английский политолог, экономист, профессор Лондонской школы экономики — прим. пер.

качестве инструмента, служащего обществу, цивилизованного способа, обеспечивающего вращение колес с малой силой трения, весьма сложно обнаружить группу, наименее заинтересованную в потребностях социума и наиболее поглощенную реализацией собственных нужд, чем юристы. Причина, почему все это важно, состоит в том, что если и можно обоснованно надеяться, что кто-то среди юристов в состоянии указать верный путь, то это те из них, которые пишут о праве.

Я признаю, что фраза «служение обществу» достаточно смутная, с привкусом воскресной школы. Есть несомненно лучшие и более долгие способы объяснения идентичной идеи, но эти слова все же передают несколько неопределенное представление того, что я подразумеваю. Я имею в виду, что право — как институт, или наука, или первосортная чепуха — выполняет специфическую функцию в этом мире. И она сводится ни к составлению успешных исковых заявлений для успешных клиентов, ни к систематизации того, что заявляют судьи апелляционной инстанции, когда, в силу различных причин, порой явных, порой скрытых, они утверждают или отменяют решения низших судов.

Тем не менее, исходя из большей части материала, публикуемого в юридических журналах, было бы трудно предположить, что право и юристы имеют некое иное назначение, чем небрежное сведение четкой (но уж точно не безвкусной) юридической аргументации, а также построение, изменение и эпизодичное разрушение симпатичных построек разнообразных теорий, возведенных на песке и ложных допущениях. Это было бы трудно предположить на основе массы статей, посвященных таким стоящим темам, как «Решение против бессрочного владения в Саскачеване⁶», «Некоторые новые способы использования трастовых инструментов в целях уклонения от уплаты налогов» или «Отзыв об ответе на комментарий по поводу критики пересмотра норм коллизионного права».

Авторы журнальных статей очень способны к самокопанию. Когда они не заняты составлением и латанием своих списков судебных дел и своими многоречивыми рассуждениями, их несомненно можно застать за ревностными, но совершенно мелкими препираниями по поводу смысла или содержания какой-либо нормы — вопрос, на который даже не обратили бы внимание девять судей из десяти.

Это эгоцентрическое погружение в самостоятельно выдуманные загадки и уловки права было бы совершенно безвредным занятием, если бы оно не отнимало столько времени и сил, которые можно было бы направить в правильное русло. И если бы, к слову, оно не занимало так много места в юридических библиотеках. Видимо, большинство поглощенных наукой джентльменов, слоняющихся без дела на страницах юридических журналов по лабиринтам контрибутивной вины, встречного возмещения или обременяющих недвижимостью обязательств, никогда не осознавало, что ни жизнь, ни право не могут быть ограничены уютными стенами какой-нибудь

---

⁶ Саскачеван — провинция в центральной Канаде — прим. пер.

концепции. Им никогда не приходило в голову, что они могли слоняться без дела в то время, как горел Рим.

Я не хотел бы вникать здесь во все детали, но, возможно, лучше заявить это один раз с полной серьезностью. Притом, что право является средством решения бесчисленных проблем нашего мира, я полагаю, что не жизнерадостное продолжение создания нагромождений из утомительных формально-юридических кротовин, а ясное изложение юристами своих мыслей на письме сможет показать данные проблемы более отчетливо, сможет способствовать признанию, что применение права с целью их разрешения есть единственное оправдание его существования.

Говоря о нудном стиле и несерьезном содержании юридической периодики, я подразумеваю не только тот изливающийся в начале журналов неумемный поток, называемый «передовыми статьями». Более краткие наполнители этих изданий, именуемые «заметками», «комментариями», «текущей практикой» и другими извинительными терминами, заслуживают аналогичных упреков. Обычно составленные студентами — и переписанные редакторами, — подобные тексты имеют почти такие же поверхностные темы, а их стиль еще старательнее выдержан в высокопарной и неестественной манере. Здесь я не вижу никакой разницы, кроме той, что значимые авторы в обмен на более крупный шрифт их работ вынуждены признавать свое авторство публично, тогда как разная мелюзга избавлена от чувства смущения при указании своих фамилий.

Если какой-нибудь раздел журнала и заслуживает частичного помилования, то это рубрика, посвященная обзору книг. Когда дело доходит до написания рецензии на книгу, соблюдение корпоративных норм отслеживается не так строго и здесь подчас возможно выразиться прямо или отпустить шутку. В результате рецензии на книги спрятаны в конце журналов, словно родственники из провинции, чьи манеры смущают городских родственников, так что каждый, кто желает снять обувь и почувствовать себя на страницах юридического журнала как дома, должен войти через заднюю дверь.

Все это ставит еще один любопытный вопрос. Мне интересно, почему все юридические журналы, коль скоро речь идет о компоновке и размещении материала, так похожи на ряд покойников в морге. Почему во всех журналах сначала под фанфары преподносятся три или четыре передовые публикации, затем медленно тянутся, постепенно ослабевая, статьи с вариациями на аналогичную тему, пока не будет достигнут раздел с обзором книг, помещенный в конце?

У меня нет к тому надлежащих доказательств, но ответ, я полагаю, заключается в том, что все юридические журналы вовлечены в небольшую вежливую игру «Следуй за главным», где темп задает «Гарвардский журнал права». Это также может послужить объяснением всеобщему благородному тону содержания юридической периодики. Я не имею ничего против «Гарвардского журнала права» и «Нью-Йорк таймс», но мне кажется, что если бы все газеты страны предприняли попытку имитировать полный

достоинства облик «Нью-Йорк таймс», то они бы остро нуждались в инъекции — как юридические журналы сейчас.

Когда дело доходит до разговора начистоту, факт бедственного положения юридических журналов оказывается неудивительным. Передовые статьи, как и рецензии на книги, большей частью пишутся преподавателями и будущими преподавателями юриспруденции. Их главный интерес — наличие публикаций, которыми они смогут помахать перед лицами деканов, требуя повышения зарплаты. Ведь принятый способ преуспеть в карьере преподавателя юриспруденции — это регулярно и в достойной манере публиковать статьи. Студентов, которых привлекают к написанию журнальных статей, мотивирует утешительная мысль, что в обмен на их рабство после окончания университета они с большой долей уверенности получают работу, а лучших студентов, выполняющих редакторскую и черновую работу, еще сильнее мотивирует знание, что они получают еще лучшую работу.

Более того, вне академического круга журналами по юриспруденции пользуются лишь сотрудники юридических фирм, которые в действительности никогда их не читают, а складывают на полки, чтобы затем к ним обратиться. Эти люди относятся к таким журналам примерно так же, как водопроводчик — к куску свинцовой трубы. Их не интересуют литературные или общественные возможности права, но они чрезвычайно довольны, что кто-то другой собирает для них судебные решения и составляет аргументацию, которую можно использовать по делу, ибо в этом случае упомянутые юристы получают нечто практически даром.

Таким образом, каждый, кто связан с журналами по юриспруденции, имеет свой хлеб, и все они — преподаватели, студенты, сотрудники юридических фирм — полностью удовлетворены намазыванием масла на свой хлеб и хлеб других. Получается симпатичная небольшая семейная картина, и любой, кто вступит сюда с сумасбродной идеей, что родственники могли бы выйти на некоторое время наружу и подышать свежим воздухом, рискует потерять голову. Ведь находиться внутри гораздо теплее, уютнее и безопаснее.

Поэтому я полагаю, что в юридических журналах продолжают печатать материал, непригодный для чтения, имеющий темы, которые не заслуживают того, чтобы о них писать. И все же я хочу надеяться, что я ошибаюсь.

Может быть, когда-нибудь юридические журналы или некоторые из них наберутся смелости и начнут стремиться к более высоким целям. Может быть, они устанут размениваться по мелочам и облачаться при этом во фраки, чтобы испытывать чувство важности и гордости, бросая монетку за монеткой об одну и ту же старую стену. Может быть, они поймут, что английский язык наиболее эффективен тогда, когда используется обыкновенно и естественно, и что право есть не что иное, как средство для достижения социальной цели, и никогда не должно, несмотря на все юридические факультеты и фирмы мира, рассматриваться как цель в себе. Одним словом, возможно, когда-нибудь юридические журналы приобретут популярность. Пока же я утверждаю, что они являются чепухой.

Послесловие

Привет, ребята! Вот мы и встретились вновь. Не подумайте, что сейчас можно сказать что-то новое или более неприятное о юридических журналах — этих цитаделях псевдонауки, расточителей бесчисленных площадей лесных участков (вы помните, что бумага делается из дерева?). За двадцать пять лет среди поставщиков вычурного вздора не произошло никакой революции, несмотря на то, что раскаленная и холодная войны, расщепление атома и космические запуски потрясли мир. Нет, авторы юридических журналов замкнули себя в своих библиотеках — словно последние являются радиационными укрытиями, чем в действительности они когда-то способны оказаться, учитывая, что их полки загромождены юридическим свинцом. И хотя изредка в публикации можно встретить намек на пугающую перспективу необходимости пересмотра Свода законов о собственности, чтобы включить в него нематериальные наследственные права на Луну или на Марс, в общем и целом юридические журналы позволили остальному миру пройти мимо них незамеченным.

Сначала несколько личных замечаний — ведь меня нередко и жестоко за это критиковали; я признаю, что не полностью придерживался своего опрометчивого решения двадцатипятилетней давности. Наверное, раз шесть с того времени или приблизительно раз в четыре–пять лет мое имя появлялось в списках «Передовые статьи, ведущие авторы» (во всяком случае, я так предполагаю, ибо я содрогаюсь от мысли увидеть его там и поэтому никогда их не просматриваю). Но в качестве признания и во избежание наказания позвольте мне ходатайствовать или, возможно, посетовать, что (1) бóльшая часть этих публикаций была маленькими юбилейными заметками о живущих или данью памяти о недавно умерших друзьях; (2) один текст, верьте этому или нет, был перепечатан (да–да, с моего согласия) из обычного журнала, для которого я написал его, в юридический журнал, что может установить некоторого рода достижение и делает меня почти невиновным; (3) другой был перепечатан из юридического журнала, для которого я написал его, в обычный журнал, что может также установить некоторое достижение и, во всяком случае, немного повествует о том, как он был написан; (4) только в одной публикации имелись ссылки, в первой из которых сказано: «Все ссылки, содержащиеся в настоящей статье, добавлены редактором». Могу ли я теперь быть прощенным? Тогда сейчас без извинений перейдем к делу. Как преступник возвращается на место преступления, так и я не мог отказать «Юридическому журналу Вирджинии», который занимает особое место в моем окаменелом к юридическим журналам сердце.

Двадцать пять лет назад я обрушился на юридические журналы с бесплановой атакой. Я критиковал их содержание, я высмеивал их стиль, я потешался над их нелепым аттракционом–каруселью, где каждый получает свой приз: выгодное дело для редакторов, повышение для преподавателей, бесплатная грязная работа, выполненная за ленивые юридические фирмы. Но

эта карусель никуда не ведет, никуда не движется, кроме как по своему одному и тому же кругу под свою прежнюю мелодию. На этот раз — никакой сумбурной атаки. Отказываясь от своего устаревшего охотничьего оружия, которым я бесчестно беспорядочно стрелял по этим сидящим уткам, юридическим журналам, теперь я беру свою верную винтовку и навожу прицел, как я надеюсь, на сердце того, что является в них — да и во всех других явных проявлениях так называемой учености в современной академической Америке — самым неверным и ошибочным. Разумеется, я имею в виду язык, которым они написаны. Я имею в виду абсурдное, пагубное представление, согласно которому работа выглядит более научно, если она изложена мудрено, замысловато, многосложными словами, но не когда она преподнесена в простых и коротких выражениях.

Может показаться, будто я отказываюсь от своих слов, открыто осуждая стиль, но не содержание, как большее зло. Послушайте: без стиля, который скрывает все содержание и искажает весь смысл или недостаток такового за эффектно звучащей, но недоступной для понимания чушью, бóльшая часть хлама, которая выходит в печать в юридических журналах и подобных научных изданиях, нигде никогда не была бы опубликована, даже здесь. Если бы деятелям науки пришлось выражаться на письме ясно, то тогда бы они были просто вынуждены писать нечто, что имеет смысл — иначе их со смехом бы отправили обратно в свои библиотечные норы. Однако ужасающий факт состоит в следующем: согласно моему последнему опросу, 90 % американских ученых и не менее 99,44 % ученых-юристов не только не знают, как писать ясно; они не знают, как писать вообще. Поэтому я сомневаюсь, что есть хотя бы больше дюжины преподавателей юриспруденции, которые способны написать статью о праве, не говоря уже о чем-либо другом, и продать ее журналу с массовым тиражом. Если такие преподаватели случайно и существуют, то эти уникалы должны обладать самостоятельными накоплениями или состоять в браке с богатыми женами. Иначе почему они, как только любой ценой достигнут звания профессора с докторской степенью, продолжают публиковать свою скучную, трудную для постижения, насыщенную специальной юридической терминологией макулатуру — бесплатно?

О, я слышу, как из академических коридоров эхом доносится ответ: ученого не интересуют деньги (ха-ха!) или «денежное вознаграждение», как выразилось бы научное сообщество. Ученый не стремится своими идеями завоевать популярность среди обширной плебейской публики, ибо поступая таким образом, он бы низвел свою работу до неблагопристойного статуса журналистики. Ученый заботится лишь о должном уважении со стороны своих коллег, как бы мало их ни было; аминь.

Я не англофил, но если уж затронута тема доходчивости научных исследований, то здесь британцы разбираются лучше и опережают нас на несколько световых лет. Ни один преподаватель Оксфорда или Кембриджа не подвергается упрекам за публикацию популярной литературы в рамках своей научной области, и ни одного деятеля науки не поддерживают в стремлении использовать безукоризненно правильную английскую речь

короля (или сейчас уже королевы?⁷) для поучения лавочников, официанток и клерков. Кто-нибудь слышал, что ученая братия неодобрительно относилась к Томасу Гексли⁸, Фредерику Мейтленду⁹, Джорджу Тревельяну¹⁰ как «простым журналистам» за то, что те писали языком, который способен понять каждый малый? Тем не менее я знаю одного американского профессора юриспруденции, которому десять раз подряд отказали в повышении, в то время как эти высшие академические почести, очаровательно называемые «должности заведующего кафедрой», были отданы его нижестоящим по званию коллегам. И все потому, что в основном он готовил публикации для таких «неподобающих» изданий, как «Журнал Нью-Йорк таймс», «Субботнее обозрение» и «Атлантик».

Однако вернемся к юридическим журналам, от которых я не так далеко отошел. Причины, по которым стиль этих изданий является непригодным для восприятия культурными людьми, связаны цепью взаимообусловленных бедствий.

Звено номер один, которое может стать темой книги «Джонни не владеет письмом», заключается в следующем. Три четверти способных ребят, которые пробили себе дорогу к юридическим факультетам, не могут, даже после четырех лет колледжа¹¹, составить сносное предложение на английском языке, не говоря уже о целом параграфе, который был бы сплоченным и цельным. Звено номер два — эти способные ребята с самой первой лекции и задания попадают под артиллерийский обстрел из словесных ужасов юридического языка, который истребляет даже ту их часть, которая была способна к письму. Звено номер три — очень способные ребята, которые составляют материал для юридических журналов, принуждены факультетскими правилами и прецедентами следовать линии своих руководителей — и людей, которые ставят им оценки — в деле крушения английского языка. Звено номер четыре — самые способные ребята, когда они становятся преподавателями, запуганы своими вышестоящими коллегами — теперь людьми, от которых зависит их продвижение или неподвижение по карьерной лестнице — к написанию того же вздора вокруг да около для юридических журналов. К тому времени, когда они становятся профессорами с докторской степенью — и это звено номер пять, — им так «промыли мозги» и подвергли индоктринации, что они уже не в состоянии, даже если когда-то и могли, написать доклад, статью, книгу, лекцию посредством четких и простых выражений; но это именно то, что читают и слушают студенты; круг замкнулся.

Тем не менее, есть и шестое звено, прикрепленное к остальным пяти, словно китайская головоломка. Звено номер шесть — это самый настоящий

---

⁷ Автор обыгрывает факт, что при опубликовании статьи «Прощание с юридическими публикациями» в 1936 г. монархом Великобритании являлся король Эдуард VIII, а во время издания «Послесловия» в 1962 г. — поныне находящаяся на троне королева Елизавета II — прим. пер.

⁸ Т. Г. Гексли — английский зоолог и популяризатор науки — прим. пер.

⁹ Ф. У. Мейтленд — английский юрист, историк, преподаватель — прим. пер.

¹⁰ Д. М. Тревельян — английский историк — прим. пер.

¹¹ По общему правилу, желающие поступить на юридические факультеты США должны после окончания школы четыре года учиться в колледже для получения степени бакалавра гуманитарных наук — прим. пер.

страх, который вызывает у элиты юридических факультетов студент или преподаватель, пытающийся противостоять хвостовству буквоедством и настаивающий на необходимости выражаться и писать в простой и ясной манере. Ведь настолько ужасно, настолько вероломно размышлять над идеей, что сложность концептуальных знаний, образующих право, возможно представить в доступном виде — так, что парень с улицы сможет их понять. Пытающийся претворить в жизнь такую идею вызывает подозрение; разумеется, он не в состоянии быть ученым.

Позвольте мне завершить послесловие краткой историей, которая произошла со мной. Не так давно я издал книгу. Более двадцати лет я периодически собирал для нее материал, два года его систематизировал и в течение одного года с трудом ее писал. Несмотря на то, что книга посвящена праву, в ней нет этих дутых загромождений, называемых сносками, и я работал как раб, чтобы не допустить проникновения в нее многословного юридического языка. Думаю, что я бы написал эту работу в два раза быстрее, если бы я использовал высокопарный юридический говор. Однако эта книга была рассчитана на то, чтобы ее смог прочесть каждый.

Вскоре среднестатистический профессор права в среднестатистическом юридическом журнале опубликовал на нее рецензию. То, что он сказал, было лестно услышать. Но он явно испытывал вину за то, что хвалит подобную работу. Ибо в одном из предложений, которым я буду дорожить всегда, он заметил: «К сожалению, автор не включил в свою работу сноски, а его стиль не соответствует глубине исследования, к которой он должен был бы стремиться, чтобы собрать материал, требуемый для написания данной книги». Ну, друзья, вот оно — в хорошей лаконичной формулировке. Мне лишь остается добавить: эх, научные труды, что за вздор.